

НАСЛЕДНИК А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА (РУССКИЙ РЕЗИДЕНТ В
ВАРШАВЕ В. М. ТЯПКИН И БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС)

В середине XVII в. вопрос о выходе к Балтийскому морю занял важное место во внешнеполитических планах русского правительства. Об этом определенно говорит поход царя Алексея Михайловича на Ригу в 1656 г. Тогда же на переговорах в Копенгагене был поднят вопрос о свободной и беспошлинной торговле русских купцов на «Варяжском море» [Флоря, 2010, с. 116]. Как известно, в рядах русской внешнеполитической элиты упорным сторонником борьбы за выход на Балтику был такой выдающийся деятель допетровской России, как А. Л. Ордин-Нащокин. В 1657–1658 г. он упорно добивался нового похода русской армии на Ригу [Флоря, 2010, с. 280–282, 285–286, 342–343]. Позднее, когда в конце 60-х годов XVII в. он стал во главе Посольского приказа, он рассчитывал, заключив союз между Россией и Польско-Литовским государством, совместными усилиями добиться свободного доступа для купечества обеих стран на европейский рынок [Флоря, 2013, с. 33–34, 273–274, 418–429]. В начале 70-х годов А. Л. Ордин-Нащокин был отстранен от руководства Посольским приказом и временно ушел из политической жизни, постригшись в монахи. Однако в рядах русской политической элиты продолжал действовать видный дипломат, стремившийся, как будет показано далее, продолжать дело А. Л. Ордина-Нащокина. Этим дипломатом был первый русский представитель в Варшаве в 1674–1677 г. стольник и полковник Вас. Мих. Тяпкин. В течение ряда лет он работал под руководством А. Л. Ордина-Нащокина, выполняя ряд его важных поручений [Флоря, 2013, с. 287–289, 374, 411–413], и в эти годы мог усвоить его идеи. Во время службы в Смоленске В. М. Тяпкин сумел установить хорошие отношения с А. С. Матвеевым и поэтому после смены руководства не попал в немилость, а был назначен в конце 1673 г. на важный пост русского представителя в Варшаве.

Уже А. Н. Попов в середине XIX в. в своей книге о посольстве В. М. Тяпкина [Попов] привел ряд высказываний дипломата, связанных с планами решения «балтийского вопроса», но эти высказывания не привлекли особого внимания ни С. М. Соловьева при работе над его монументальной историей, ни других исследователей.

Когда В. М. Тяпкин приступил к работе в Варшаве, не было никаких условий для осуществления задуманных А. Л. Ординым-Нащокиным планов. Победа на выборах на польский трон Яна Собеского, главы «профранцузской» партии в Речи Посполитой, создавала благоприятные условия для сближения Речи Посполитой с главным союзником Франции в Северной Европе — Швецией. Одной из целей такого сближения могло стать соглашение, направленное против России [Komaszyński, s. 2–25]. Эти перемены не прошли мимо внимания русского представителя, сообщавшего в Москву, что «короли Французской и Свейской зело радуются» избранию Собеского¹. О каких-либо совместных действиях русских и польских политиков по отношению к Швеции в этих условиях не могло быть и речи.

Однако новые возможности открылись для русской внешней политики с углублением и расширением общеевропейского конфликта, начавшегося нападением Людовика XIV на Голландию. В защиту Голландии и против Франции выступила целая коалиция — Австрия, Испания, Бранденбург, Дания. В этих условиях французское правительство, заключившее со Швецией военно-политический союз весной 1672 г., добивалось выступления Швеции против Бранденбурга, обещая значительные субсидии. Предполагая такое развитие событий,

¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 160. Л. 242 об.

бранденбургские политики обратили внимание на Россию как возможного союзника против шведов. Уже сразу после избрания Собеского бранденбургский резидент И. Ховербек, как сообщал в Москву В. М. Тяпкин, посещает русского представителя, «дружелюбие... показывает доброе», заверяет в «дружбе» курфюрста Фридриха — Вильгельма и обещает «в тайне» сообщать разные сведения². В июне И. Ховербек снова посетил В. М. Тяпкина³.

Причины такого внимания стали ясны после встреч с И. Ховербеком, состоявшихся 9 и 12 сентября 1674 г. На этих встречах И. Ховербек говорил о появлении шведских войск в Померании и близкой перспективе войны между Бранденбургом и Швецией. Он доказывал, что формирующаяся франко-польско-шведская коалиция враждебна России. Через В. М. Тяпкина И. Ховербек призывал царя «иметь дружелюбные ссылки» с курфюрстом и императором Леопольдом. Наконец, резидент просил «на пострах швейскому во Пскове поставить часть войска и тем ево от войны отвратить»⁴. Обращает на себя внимание то, что в своем сообщении о беседе 9 сентября В. М. Тяпкин отметил: «А гетман Михайло сказывал на сие речи слово в слово»⁵. Речь идет о поддерживавшем тесные контакты с русским представителем великом гетмане и воеводе виленском Михаиле Паце, главе противников Яна Собеского в Великом княжестве Литовском. Они, следовательно, оценивали положение так же, как и бранденбургский резидент.

В начале октября В. М. Тяпкин сообщал в Москву, что выступления шведов следует ждать «нынешние зимы или кончье весною»⁶.

Сохранившийся наказ В. М. Тяпкину показывает, что, направляя в Варшаву первого постоянного русского представителя за границей, ему не давали полномочий вести какие-либо серьезные переговоры, все предложения следовало передавать в Москву. Главной обязанностью был сбор и доставка информации⁷. Однако В. М. Тяпкин, полагаясь, по-видимому, на хорошие отношения со своим «благодетелем» А. С. Матвеевым, вышел за рамки своих обязанностей. В письме, доставленном в Москву 25 октября, он предлагал главе Посольского приказа заключить уже этой зимой «на поляка и шведа союз вечной» «и з датским королем сослатца». Письмо можно было бы рассматривать как результат влияния на В. М. Тяпкина бесед с Ховербеком, однако концовка текста говорит о другом. Если бранденбургский резидент говорил о военной демонстрации на ливонской границе, то В. М. Тяпкин выражал надежду на то, чтобы царь «изволил иметь у себя на море войска в кораблех, а для учения воинства и ходу корабельного офицеров пришлет ему, государю, курфистр»⁸. Возможно, В. М. Тяпкин проявил наивность, рассчитывая на поддержку курфюрста, но ясно, что, по его мнению, участие в европейском конфликте должно было привести к созданию на Балтике русского флота.

С этого времени В. М. Тяпкин постоянно сообщал в Москву о ходе вскоре начавшейся шведско-бранденбургской войны. Он прислал в Москву текст официального обращения шведского правительства «к статом Цесарские земли» о своем решении начать войну с Бранденбургом от 16 декабря 1674 г.⁹ В середине января 1675 г. он уже сообщал о вступлении шведских войск на территорию магдебургского маркграфства — одного из владений курфюрста, куда двинулась также из Ливонии «через польские Прусы» шведская армия генерала Врангеля¹⁰. Поведение властей Речи Посполитой, пропустившей шведскую армию, вызвало резкую реплику В. М. Тяпкина: курфюрст «правдою с ними поступал, послки дал» на войну с османами, «а они ему за то наградили, что неприятелей пропустили в его марграфство»¹¹.

² Там же. Л. 255 об. — 256.

³ Там же. Л. 294 об.

⁴ Там же. Л. 435 об. — 439 (сообщение поступило в Москву 30 сентября).

⁵ Там же. Л. 437.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 22 и сл.

⁸ Там же. Л. 494–494 об.

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 234 сл.

¹⁰ РГАДА. Кн. 173. Л. 71–71 об.

¹¹ Там же. Л. 101.

В дальнейшем В. М. Тяпкин постоянно посылал в Москву сведения европейской прессы о ходе войны — о выступлении курфюрста в поход против шведов во главе 18 тыс. армии¹². В сообщениях также говорилось о взятии войсками курфюрста Магдебурга и о поражении шведской армии под Фербеллином («полк Врангеля порублен весь») и о движении бранденбургских войск на территорию шведской Померании¹³.

Одновременно от В. М. Тяпкина поступила информация о вовлечении в этот конфликт в Балтийском регионе все новых европейских государств — членов коалиции, которую возглавляли Габсбурги и которая противостояла Франции Людовика XIV и его союзнице — Швеции. Прежде всего, он сообщал о военной помощи Австрии. В начале мая 1675 г. австрийские войска пришли «к рубежам брандебургским»¹⁴. Затем эти войска участвовали в походе курфюрста на шведов¹⁵. Другим государством, где курфюрст Фридрих-Вильгельм искал поддержки, стала Голландия. В мае 1675 г., чтобы добиться такой поддержки, он посетил Амстердам¹⁶. В июле 1675 г. в Москве получили от В. М. Тяпкина тексты «курантов» с сообщением об объявлении Голландией войны Швеции¹⁷. В письме от 24 апреля он уже сообщал в Москву о приходе на Балтику в помощь противникам Швеции голландской эскадры из 30 кораблей¹⁸.

Довольно рано был поднят вопрос о присоединении к антишведской коалиции Дании. В присланных В. М. Тяпкиным «курантах» говорилось, что здесь готовят армию и флот к военным действиям¹⁹. В «курантах» из Гданьска говорилось, что датский король добивался субсидий для вступления в войну (он «не хочет, покамест денги возмет»)²⁰. Вопрос этот к концу весны 1675 г. был улажен. В письме от 1 мая В. М. Тяпкин уже мог известить А. С. Матвеева, что датские войска выступают «в поле против француза и шведа»²¹. Один из членов габсбургской коалиции — Испания — предоставила Дании субсидии, и Дания теперь «за чужими денгами свое власное отбирати будет»²², — писал В. М. Тяпкин, явно имея в виду планы возвращения Дании области Сконе в южной части Скандинавского полуострова, утраченной Датским королевством в годы Тридцатилетней войны. Летом 1675 г. датские войска оккупировали земли союзника Швеции — Гольштейн-Готторпского княжества²³.

Так обрисовались очертания большого международного конфликта, развертывавшегося в балтийском регионе сравнительно недалеко от русских границ.

Из сообщений Тяпкина также определенно следовало, что по мере обострения и расширения конфликта возрастала заинтересованность противников Швеции в помощи и поддержке со стороны России.

Уже в феврале 1675 г. В. М. Тяпкин встречался с бранденбургским резидентом И. Ховербеком, показавшим ему грамоту курфюрста. Курфюрст просил русского резидента писать царю «о войсках на Лифлянты против свейского короля»²⁴. Если осенью 1674 г. речь шла о военной демонстрации на ливонской границе, то теперь поднимался вопрос о вступлении России в войну. И. Ховербек также сообщил, что император Леопольд, курфюрст и голландцы, чтобы

¹² РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 78.

¹³ Там же. Л. 126–127, 138–139, 146, 201, 203.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 362.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 54, 126.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 177.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 64.

²⁰ Там же. Л. 70.

²¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 195 об.

²² Там же. Л. 191 об. — 192.

²³ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 6. Л. 202 (текст «курантов» из Штеттина от 13 июля).

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 95 об. — 96 (письмо получено 11 марта).

добиться принятия такого решения, направят в Москву «великих послов»²⁵. В начале июля было получено сообщение В. М. Тяпкина о выезде из Кёнигсберга бранденбургского посольства. В том же письме говорилось, что «все Реши немецкие» ждут наступления русских войск «от Пскова на Лифлянты»²⁶.

Осенью 1675 г. в Москве оказались посол бранденбургского курфюрста Иоахим Скультетус, австрийские послы А. Ф. де Баттони и И. Т. Терлингер, к которым присоединился датский резидент в Москве Могенс Ге, а позднее голландский посол К. Кленк. Их общей целью было добиться вступления России в войну со Швецией [Кобзарева, с. 99–101; Бушкович, с. 79–80].

В этой сложной международной ситуации для политиков в Москве было важно, какую позицию займет в назревающем конфликте главный западный сосед России — Польшо-Литовское государство. И донесения В. М. Тяпкина давали на этот вопрос ясный ответ. Уже в конце 1674 г. он сообщал в Москву, что Ян Собеский ищет мира с Османской империей, чтобы принять участие в общеевропейском конфликте на стороне Франции и Швеции²⁷. Весной 1675 г. в письме его А. С. Матвееву фигурировала «факция французская и свейская з двором полским»²⁸. В конце 1675 г. он снова писал, что по его сведениям польский король, «учинивши союз с турки и взяв себе в помочь француза и шведа... войну обратит на цесареву землю»²⁹.

Вместе с тем В. М. Тяпкин сообщал и о существовании в Речи Посполитой сил, враждебных этим планам Собеского. Так, уже в конце 1674 г. он писал, что «сприятствующие особы» (так резидент обычно обозначал стремившихся поддерживать связи с Россией литовских противников Собеского) настоятельно советуют помочь императору и его союзникам и послать войска во Псков, чтобы «отвращение учинить свейским войскам»³⁰. В. М. Тяпкин указывал и другой регион Речи Посполитой, где планы Собеского заключить союз со Швецией и вмешаться в общеевропейский конфликт на стороне Франции вызвали отрицательную реакцию, — Великая Польша. Весной 1675 г. он прислал в Москву текст возникшего в этой среде антишведского памфлета «Разсуждения... некоего шляхтича великополянина»³¹.

Дело, однако, не ограничивалось отправкой в Москву разнообразных и важных сведений. В письмах, адресованных главе Посольского приказа А. С. Матвееву, русский представитель в Варшаве предлагал и свой план действий в сложившейся международной ситуации. Письмо, доставленное в Москву 25 марта 1675 г., подобно более ранним запискам А. Л. Ордина-Нащокина говорило об опасностях, которые может принести для России складывающееся международное положение. В. М. Тяпкин отмечает опасную перспективу формирования под патронатом Франции враждебного России союза между Швецией, Речью Посполитой и Османской империей³². Чтобы противостоять этой опасности, В. М. Тяпкин настоятельно советует заключить союз с государствами габсбургской коалиции. Тогда «факция французская и свейская з двором полским... до конца разрушитца и посрамлена будет»³³.

Когда В. М. Тяпкин писал это письмо, в Москве уже было принято решение о военной демонстрации на ливонской границе³⁴. На границу была отправлена армия во главе с кн. И. А. Хованским, что вызвало беспокойство в Швеции³⁵. Как выше отмечалось, для

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 232–233.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 8.

²⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 110 об., 112.

²⁹ Там же. Л. 443.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 311 и сл.

³² РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 110 об. — 111.

³³ Там же. Л. 111 об. — 112, 113 об.

³⁴ По сведениям датского резидента М. Ге, такое решение дума приняла 23 декабря 1674 г. [Бушкович, с. 79].

³⁵ В присланном В. М. Тяпкиным тексте «курантов» из Стокгольма от 6 июля 1675 г. отмечалось, что в Стокгольме

императора Леопольда I и его союзников этого было недостаточно, они добивались вступления России в войну со Швецией. Тяпкин также настоятельно советовал начать войну: «сею весною меч военный обнажити»³⁶. Что речь шла не о военной демонстрации, а именно о войне, показывают слова в заключительной части письма, что после заключения союза с государствами габсбургской коалиции враждебная сторона «под ногами у коней московских разторгнена будет»³⁷.

Поступавшие сведения о расширении антишведской коалиции и неудача шведов побудили В. М. Тяпкина в конце весны 1675 г. снова предложить А. С. Матвееву свой план действий³⁸. Действовать следовало одновременно по двум направлениям. Одну часть войск следовало направить на помощь Речи Посполитой против османов. Тогда магнаты и шляхта заставили бы Яна Собеского продолжать войну и его план заключения мира с османами «розорвался»³⁹. Для этого следовало с главными литовским политиками — канцлером К. Пацом и великим гетманом М. Пацом — «тайную ссылку иметь, привращаючи их к государской милости»⁴⁰. Другую часть войск следовало направить в Прибалтику. «А в ту бы нынешнюю пору вскоре ж купно с немецкими государи (царь) иным своим царского величества войскам шведу велел заиграть около Риги»⁴¹. Этот текст не только показывает еще раз, что В. М. Тяпкин был сторонником войны. Совсем не случайно появление в этом тексте Риги. Речь шла, очевидно, о возвращении к планам А. Л. Ордина-Нащокина, в которых решение «балтийского вопроса» отождествлялось с установлением русской власти над Ригой. В. М. Тяпкин выражал убеждение, что если бы царь выступил против Швеции вместе со своими союзниками, то шведский король «совершенно бы опустил криле храбрости своей и не узнал бы сам, куды с своими малыми части войск обратитца»⁴². Очевидно, приходившие к нему известия о поражениях шведских войск убеждали его в военно-политической слабости Шведского государства, которую Россия могла бы использовать.

В следующем, 1676 г., произошел на Балтике ряд важных событий. С приходом на Балтику голландского флота соотношение сил стало изменяться в пользу врагов Швеции. В морском сражении у Оланда шведский флот потерпел поражение и утратил господство на море. Была нарушена связь между Швецией и ее владениями на южном побережье Балтийского моря, переставшими получать помощь из метрополии, и началась оккупация шведской Померании бранденбургскими войсками. Одновременно летом 1676 г. датские войска высадились на Сконе и при поддержке местного населения заняли значительную территорию. Эти события подтверждали правильность прогнозов В. М. Тяпкина и побуждали его к активности. Активность эта выражалась прежде всего в том, что он информировал правительство в Москве об этих переменах, неблагоприятных для Швеции.

Уже в марте 1676 г. он сообщал в Москву, что шведскому королю Карлу XI «зело трудно чинитца, и войска ему многие побили, и города дацкой и брандебурской государи побрали»⁴³. В апреле он снова сообщал, что «отовсюду шведы великие убытки примают от войск немецких розных»⁴⁴. 29 апреля в письме А. С. Матвееву он сообщил об осаде войсками курфюрста Щецина и выразил убеждение, что город скоро сдастся, так как Фридрих-Вильгельм «великие способы и промыслы гранатные имеет»⁴⁵. В письме от 16 июня снова говорилось о том, что шведов «не

«велми дивятся для чего Хованскому на рубеже велено войско собирать и пять человек полковников с Москвы к нему прислано». (РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 204).

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 111.

³⁷ Там же. Л. 113 об.

³⁸ Его письмо было получено в Москве 29 мая (Там же. Л. 185).

³⁹ Там же. Л. 192–193.

⁴⁰ Там же. Л. 195 об.

⁴¹ Там же. Л. 192 об.

⁴² Там же. Л. 193 об.

⁴³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 155.

⁴⁴ Там же. Л. 199.

⁴⁵ Там же. Л. 211 об.

токмо на море и на поле... немцы zelo побивают»⁴⁶. В отписке, доставленной в Москву в конце сентября, содержались прежние оценки: «А ныне до конца оказываются побеждены их войска не только на море, но и на суше»⁴⁷. В письме, доставленном в конце октября, он снова убеждал московских политиков: «Свейской король zelo упадает и нищует и уж на море единого своих войск корабля не имеет... дацкие и галанские и морем всем завладели»⁴⁸. Как увидим далее, В. М. Тяпкин не случайно обращал их внимание на то, что на Балтийском море больше нет шведского флота. Сообщая эти сведения, В. М. Тяпкин рассчитывал, что они побудят русское правительство начать войну против Швеции. В целом ряде писем он настойчиво советовал начать такую войну, одновременно определяя ее цели.

В апреле 1676 г., сообщая А. С. Матвееву о неудачах шведов, когда их король «якоже заец, по островам бегаючи, скрываетца», он призывал «от Лифлянтов заиграть трубными и рыцарскими гласы», и тогда Бог благословит царя «Ригую, но и самым Варяжским морем»⁴⁹. Так еще более определенно, чем раньше, русский резидент в Варшаве говорил, что война нужна не для оказания помощи союзникам, а чтобы добиться, используя благоприятную международную ситуацию получения выхода к Балтийскому морю. Как и А. Л. Ордин-Нащокин, он видел решение вопроса в походе русских войск на Ригу и установлении русской власти над этим городом. Как и А. Л. Ордин-Нащокин, он считал Швецию опасным противником России. По его мнению, против этой страны следует вести войну, чтобы опасного соседа «яко внутренняго врага и ласкателя до основания разорить»⁵⁰. Он выражал готовность лично ехать в Москву, чтобы убедить царя в реальности этих планов⁵¹.

Положение В. М. Тяпкина не было легким. В начале апреля он смог познакомиться с письмами польского резидента в Москве П. Свицерского, в которых говорилось о «ненависти» к А. С. Матвееву «от всех вельможнейших и от посполитых народов»⁵². Приехавший в Речь Посполитую шведский посол заявлял, что А. С. Матвеев выступал против мира со Швецией, но патриарх Иоаким «духовными беседами своими» убедил царя Федора Алексеевича заключить «вечный мир» со Швецией⁵³. К началу августа ему стало известно и об отстранении от власти его покровителя — А. С. Матвеева⁵⁴.

В этих сложных условиях В. М. Тяпкин продолжал добиваться, чтобы в Москве приняли его план действий. В письме от 20 октября 1676 г., сообщая о поражениях шведского флота на Балтике, он убеждал московских политиков, что теперь шведскому королю «Ригу... уж с моря выручать будет невозможно». В 1656 г. поход царя Алексея на Ригу не удался в значительной мере потому, что шведский флот перебрасывал в Ригу войска. В. М. Тяпкин доказывал, что теперь это не повторится: «способнее было бы ныне ее одержать, нежели в прежних годах, потому что не токмо бы с моря, но и з сухова берегу оборонить им Риги будет нечим»⁵⁵. Стремясь сделать свои суждения более убедительными, он привел и мнение бранденбургского резидента в Польше И. Ховербека, что «все... свейские войска ныне затруднены оружием немецких государей и жадные бы выручки Риге и иным городом учинити не могли»⁵⁶.

Снова вопрос о походе на Ригу был поднят в письме, полученном в Москве 8 декабря 1676 г. Отправке письма предшествовала встреча В. М. Тяпкина с И. Ховербеком. Он сообщил,

⁴⁶ Там же. Л. 258.

⁴⁷ Там же. Л. 328 об.

⁴⁸ Там же. Л. 396.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 219—219 об.

⁵⁰ Там же. Л. 219—219 об.

⁵¹ Там же. Л. 221 об.

⁵² Там же. Л. 179.

⁵³ Там же. Л. 219 об. — 220.

⁵⁴ Письмо от 5 августа было уже адресовано новому начальнику Посольского приказа думному дьяку Лариону Иванову. (Там же. Л. 298).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 396 об.

⁵⁶ Там же. Л. 397 об.

что весной 1677 г. бранденбургский курфюрст и датчане «пойдут морем на Лифлянты». Если царь направит свои войска к Риге, то Бранденбург и Дания «охотою ради и посылки свои морем под Ригу прислать». Тогда шведы не смогут помочь Риге, «как было преж сего». «И никогда бы, — писал В. М. Тяпкин, — на шведов лутчего способу воинским промыслом не найти, как ныне есть»⁵⁷. В самом конце 1676 г. В. М. Тяпкин писал в Москву⁵⁸, что шведское правительство вывело войска из Ливонии для борьбы с Данией за Скопе⁵⁹. Очевидно, такое сообщение должно было подтолкнуть московских политиков к принятию правильного решения.

Если до его отставки и опалы читателем рекомендаций и планов В. М. Тяпкина был А. С. Матвеев, то после его отставки и опалы русский резидент в Варшаве адресовал свои письма прямо царю, на ряде из них имеются пометы, что их читали царю и членам думы. Есть основания полагать, что внимательным читателем писем В. М. Тяпкина оказался сам молодой царь Федор Алексеевич. В мае-июне 1677 г. датский посол Ф. Габель сообщал в Копенгаген, что царь и некоторые его «молодые» советники выступают за объявление войны Швеции. В Ливонию должна была направиться армия во главе с лучшим из русских полководцев кн. Ю. А. Долгоруким [Бушкович, с. 109]. Очевидно, их привлекал план одновременного наступления на шведскую Ливонию бранденбургской, датской и русской армий.

Царь не смог настоять на своем, и причина такого исхода споров в думе, где «старые» советники выступали против таких планов, очевидна. К весне 1677 г. ясно обозначилась перспектива большой войны России с Османской империей, что делало нереальным участие в других военных конфликтах.

Стоит отметить, что, хотя В. М. Тяпкин находился в Речи Посполитой до июня 1677 г., из его писем этого года балтийская тема исчезла. Уже в январе 1677 г. ему стало известно, что во время польско-османских мирных переговоров осенью 1676 г. османы предлагали предпринять совместный поход «за Днепр» «нынешнею весною», а в начале февраля 1677 г. он уже мог определенно сообщить в Москву, что «султан турецкой и хан крымской готовятца под Киев и за Днепр с великими силами»⁶⁰. Ясно, что в этих условиях планы войны со Швецией становились нереальными. Думается, что была еще одна причина для утраты В. М. Тяпкиным интереса к балтийской теме. В самом конце декабря 1676 г. от австрийского резидента в Варшаве он узнал о «великой битве» датского и шведского войска 14 декабря, в которой «полевую победу одержали» шведы⁶¹. Швеция оказывалась не такой бессильной, как он думал.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что планы решения «балтийского вопроса», выдвинутые А. Л. Ординым-Нащокиным в середине XVII в., после его отставки продолжали жить в сознании видного русского дипломата, который добивался их осуществления. Ему даже удалось привлечь к этим планам внимание влиятельной части политической элиты предпетровской России.

Литература

- Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008.
 Кобзарева Е. И. Россия в Вестфальской системе 1648–1686 гг. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 99–101.
 Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.
 Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
 Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
 Kotarszyński M. Jan III Sobieski a Bałtyk. Gdańsk, 1983. S. 2–25.

⁵⁷ Там же. Л. 428 об. — 429 об.

⁵⁸ Письмо было получено 12 января (РГАДА. Ф. 79. Кн. 182. Л. 1).

⁵⁹ Там же. Л. 4 об.

⁶⁰ Там же. Л. 22–22 об., 42, 46 об.

⁶¹ Там же. Л. 15–15 об.